

Вот эти 3 «изма» (эгоизм, аристократизм и лиризм) и погубили героя этой хроники, ибо автор заставляет его безславно кончить самоубийством (правда, умирая, он знает уже, что жить эгоистом нельзя).

Как часто бывает, вставные эпизоды, побочные описания неожиданно приобретают первостепенную важность и служат украшением книги. Но Б. Н. Щербинский не пожелал удовольствоваться хорошо задуманной и честно выполненной хроникой. Он сочинил начало к ней: безконечный разговор (100 страниц петитом), диалог между двумя друзьями объясняющий происхождение хроники и конец в небесах!..

Этот конец и начало следовало бы срывать (только из этой жертвы самопожирания рождается искусство, — на подобие древняго бога). И если у автора не было отваги это сделать, то у читателя может и должно хватить великодушья забыть «умные» главы и простить чудовищное многословие: ибо есть в центральной части книги многое, за что можно полюбить автора и быть ему благодарным.

В. Я—ский

Elie Halévy. — L'Ere des Tyrannies. — Etudes sur le socialisme et la guerre. — Préface de C. Bouglé. — N. R. F.

Автор этих этюдов о социализмѣ и войнѣ — историк по специальности — недавно скончавшійся профессор Школы политических наук в Парижѣ, особенно пристально занимавшійся исторіей Англии и исторіей социализма. Либерал до мозга костей, как его характеризует его друг и коллега извѣстный социолог Буглэ, Галеви испытывал почти инстинктивное отталкиваніе и страх перед вмѣшательством государства, даже демократическаго, в сферу индивидуальной свободы. Он остро ощущал антиномію свободы и общественнаго устройства, предполагающаго дисциплину и подчиненіе. — «Эмансипация или Организация?» Как согласовать с социализмом заключающееся в нем «либеральное» начало? «С самаго возникновенія рабочаго движенія его раздрает внутреннее противорѣчіе: будучи освободительным и бунтарским в отношеніи к порабощенію труда промышленным капиталом и фабричной системой, оно вынуждено для своего самосохраненія искать новой принудительной организации взамѣн отживших, упрямых революціонным либерализмом».

Проблема — или антитеза — выдвинута была еще Сен-Симоном. Но ея разрѣшенія все еще ищут и не только во Франціи — Блюм, Даладьё, Рейно, — но и во всем мірѣ. С юных лѣтъ ставил перед собой Галеви вопрос: куда идет мір — к демократіи на федеративных основах или к всеобщему и универсальному цезаризму? На этот вопрос отвѣтъ дала война. Война — «естественный и вѣчно вновь расцвѣтающій плод капитализма» — породила тираніи в Россіи, Италиі, Германіи. Автор предпочитает говорить о тираніях, а не о диктатурах, потому что латинскій термин предполагает скорѣе временное уклоненіе от нормальнаго режима свободы, тогда как греческая «тиранія» такая же постоянная и прочная форма правленія, как монархія, аристократія, демократія.

«Соціалізм» нашего времени Галеви считает в большей мѣрѣ продуктом войны, нежели марксистской или иной идеологии. Он высказывает свои заключения не в качестве доктринера, а историка, имѣвшего возможность проверить свои размышления личными наблюдениями на мѣстѣ — в СССР и в фашистской Италиі.

Если консервативныя партіи продолжают требовать почти безграничнаго усиленія государственной власти с почти таким же безграничным умаленіем его права вмѣшиваться в экономическую сферу, а социалистическія партіи настаивают на неограниченном расширеніи функций государства и на таком же ограниченіи его авторитета, «націонал - социализм» нашел синтез в безпредѣльном увеличеніи и того, и другого: своего (государственно - партійнаго) авторитета и вмѣшательства во всѣ сферы жизни.

Советская система была и родоначальником, и изобрѣтателем новейших систем тираніи, — которыя всѣ одинаково слѣдовало бы называть «фашистскими». Это старое итальянское слово обозначало вооруженныя группы единомышленников. Послѣ 1870 г., в эпоху 1-го Интернаціонала в Италиі появились *fasci operai*, черпавшіе свое вдохновеніе у Бакунина; они свили себѣ постоянное гнѣздо в Испаніи. Другія «фашио», *fascio di combattimento* использовал Муссолини для завоеванія власти во имя совѣм другого идеала. И в Россіи, как в Италиі, тиранія осуществляется «вооруженной сектой, заставляющей подчиняться своей волѣ во имя предполагаемаго интереса страны в цѣлом и обладающей силой принудить к подчиненію, потому что ощущает в себѣ одушевленіе общей вѣрой».. Этот параллелизм Галеви проводит и глубже. СССР, исходя от интегральнаго социализма, обнаруживает уклон в сторону своеобразнаго советскаго націонализма; Италиа же и Германия, наоборот, исходя от интегральнаго націонализма, приходят к своеобразной формѣ социализма. Для личной же свободы результат один — там и тут она уничтожена.

М. Вишняк

Wschod. Orient. — Kwartalnik poświęcony sprawom wschody, Warszawa. 1938. — Rok IX. NN 2 et 3.

Этот польскій трехмѣсячник посвящен защитѣ с польской точки зрѣнія — «прометеевской идеи, которая для нас является условным сокращеніем политической концепціи о раздѣлѣ Россіи, красной или бѣлой одинаково, на ряд суверенных національно - государственных организмов». Такая формулировка совершенно точно обозначает главное назначеніе журнала: не столько освобожденіе угнетенных народов, живущих к востоку от Польши (и, частично, в самой Польшѣ) вдохновляет его руководителей, сколько раздѣл и расчлененіе Россіи. Этот журнал насчитывает уже 9-ый год своего существованія, но актуальный интерес он приобретает сейчас в связи с событіями в центральной Европѣ (с судьбами прикарпатской Руси) и на Дальнем Востоцкѣ. Показательной иллюстраціей перемѣн, происшедших в Европѣ — и в сознаніи редактора «Всхуда» Влад. Бончковскаго — может